

DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-18-34
УДК 94(47)

Алексей Валерьевич Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет;
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1252-9193
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Образ Петра I в учении петербургских славянофилов*

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются взгляды петербургских последователей славянофильства профессоров Санкт-Петербургского университета К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Ламанского и О. Ф. Миллера на Петра I и его реформы. Отмечается, что, соглашаясь со славянофильской критикой первого российского императора за разрыв между обществом и государством, насильственный характер преобразований, нравственную деградацию церкви, бездумные заимствования и т. д., петербургские славянофилы достаточно положительно оценивали личность самого русского правителя, видя, например, в образе царя-труженика развитие древнерусского представления о служилом князе. Петербургские славянофилы признавали необходимость петровских реформ и даже их небесполезность, не соглашаясь главным образом с формой их проведения. Главный упрек Петру I состоял в том, что он не только не предвидел последствий своих действий, но и не имел ясной цели и образа будущего России. Все его поступки были вызваны потребностями настоящего. Петербургские славянофилы судили о Петре I с точки зрения отдаленных итогов его деятельности и несогласия с тем культурно-политическим направлением, которое стало преобладающим в России, т. е. западничеством. В отличие от ранних славянофилов, поздние славянофилы более решительно противопоставляли Россию и Западную Европу, рассматривая их как два цивилизационных антипода. Делается вывод, что оценки петербургских славянофилов существенно корректируют славянофильскую точку зрения на Петра I.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Петр I, империя, славянофилы, реформа, Бестужев-Рюмин, Ламанский, Миллер

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Малинов А. В. Образ Петра I в учении петербургских славянофилов. *Кунсткамера*. 2022. 2(16): 18–34. doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-18-34

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет).

Alexei Malinov

Saint Petersburg State University;
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1252-9193
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

The Image of Peter the Great in the Teachings of St. Petersburg Slavophiles

ABSTRACT. The article deals with the views of St. Petersburg followers of Slavophilism, professors of St. Petersburg University K. N. Bestuzhev-Ryumin, V. I. Lamansky and O. F. Miller on Peter the Great and his reforms. It is noted that while agreeing with Slavophile criticism of the first Russian emperor for the gap between society and state, the violent nature of the reforms, the moral degradation of the church, thoughtless borrowings, etc., St. Petersburg Slavophiles rather positively assessed the personality of the Russian ruler himself, seeing, for example, in the image of the hard working tsar the development of the old Russian idea of a serving prince. The Slavophiles of St Petersburg recognised the necessity of Peter's reforms and even their usefulness, disagreeing mainly with the form in which they were carried out. Their main reproach to Peter the Great was that he not only failed to foresee the consequences of his actions, but also had no clear purpose or image of the future of Russia; all his actions were prompted by the needs of the present. The Petersburg Slavophiles judged Peter the Great in terms of the distant results of his actions and their disagreement with the cultural-political direction that had become predominant in Russia, i. e. Westernism. Unlike the early Slavophiles, the later Slavophiles contrasted Russia and Western Europe more strongly, viewing them as two civilisational antipodes. It is concluded that the assessments of the St Petersburg Slavophiles significantly correct the Slavophile view of Peter the Great.

KEY WORDS: Peter the Great, Empire, Slavophiles, reform, Bestuzhev-Ryumin, Lamansky, Miller

FOR CITATION: Malinov A. The Image of Peter the Great in the Teachings of St. Petersburg Slavophiles. *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 18–34. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-18-34

Будем же судить людей каждого времени по их мерке.
(Бестужев-Рюмин 1886)

Петр I — одна из самых противоречивых фигур русской истории, споры о которой не утихают уже три столетия. Образ первого русского императора и восприятие его личности и реформ менялись со сменой поколений, правлений, исторических событий: от старообрядческой легенды о Петре-антихристе до мифологического образа демиурга — творца новой России (Коломыц, Коломыц 2019; Мининкова, Айдунова 2019). Восприятие Петра I современниками сильно отличается от его образа в позднейшей историографии, искусстве и литературе. Уяснение значения Петра I для русской истории и культуры и задаваемый им полемический контекст — одна из вех национально-культурного самосознания, формирующая образ русского правителя в качестве опоры исторической памяти.

Литература о русском правителе обширна и многообразна настолько, что в пору составлять историографию историографии о Петре I. Его образ в восприятии современников и потомков неоднократно привлекал внимание исследователей (см., например: Петр Великий... 2003; Кузнецова 2007; Семенова 2011; Тапехина 2013; Кирьяш 2017; Айдунова 2019; Кузнецов 2019; Айдунова 2020; Кругликова 2020). В то же время период правления Петра I — одна из самых тяжелых эпох в истории страны: длящаяся почти все время война, изматывающая силы государства и разоряющая народ, противоречивые реформы, усугубляемые насильственностью осуществления и углубляющие раскол русского общества. Русская история, вероятно, знает лишь два периода, сопоставимые с преобразованиями Петра I по радикальности коренной ломки мировоззренческих, бытовых, культурных и государственных устоев: крещение Руси и Октябрьская революция 1917 г. Не случайно первый император воспринимается и как «революционер на троне», по выражению С. М. Соловьева. Он является ключевой фигурой в череде попыток модернизации и вестернизации России, в конечном итоге приведших к революции 1917 г. (Федотова 2017).

Проводимая им революция сверху служила реализации нового цивилизационного проекта — преобразованию России из православного царства в европеизирующуюся империю, которая живет не душеспасительной правдой христианства, а заимствованиями и территориальным расширением. Территориальные и культурные приобретения были столь масштабны, а их последствия столь значительны, что весь XVIII в. стал восприниматься в качестве самостоятельной культурно-исторической эпохи. Ни одно другое столетие не имеет такого значения в русской истории, как XVIII в., прошедший под знаком петровского правления, с которым соизмеряли свои деяния последующие русские властители, от которого получали оправдание и смысл последующие реформы и контрреформы, военная экспансия, династические браки и политические союзы.

Петровский или петербургский период русской истории занял два столетия. «В этот период много разных культурных миражей пронеслось над русским обществом. Эти марева охватывали его и овладевали им более или менее продолжительное время: то пленяли его немецкая канцелярия, то французская бюрократия, то аристократизм эмигрантов, то учение энциклопедистов, то частью общества овладевали революционные мечты и т. д. и т. д. Не раз случалось России нечаянно попадать в орудие европейских политиков; случалось русским войскам изгонять французов из Италии, водворять в Европе порядок в угоду Меттерниху и т. п. В самое живое начало — в церковь — вошло, благодаря европейскому просвещению, кое-что неладное. Все это было понятно: торопились учиться, торопились стать на ряду с учителями и в этом ставили свою цель» (Бестужев-Рюмин 1885а: 423).

Однако уже к середине XIX в. чуткие мыслители осознали исчерпанность того культурно-политического импульса и тупиковость тех цивилизационных форм, которые были заданы еще в петровскую эпоху. Такими мыслителями были славянофилы. Конечно, они во многом выдавали желаемое за действительное, потому что историческая инерция петровских реформ и идеологии ощущается и поныне (имперское мировоззрение, практика полицейского государства, вошедшая

в правило коррупция, некритическое западничество и т. п.). Не случайно именно славянофилы первыми дали развернутую критику как самого императора, так и его деяний, предложили переосмыслить и переоценить личность Петра I в качестве государственного деятеля. Либеральные идеи славянофилов во многом совпадали с программой русских западников (свобода слова и совести, отмена крепостного права, бессловное государство и т. п.), однако в оценке Петра I и его реформ они кардинально расходились.

Критические высказывания славянофилов в адрес первого русского императора хорошо известны. Они неоднократно подвергались за это цензурным ограничениям. Правда, в отечественной историографии заметна определенная исследовательская инерция: воспроизводя славянофильскую оценку Петра I и его реформ, как правило, ограничиваются высказываниями К. С. Аксакова, изредка разнообразя их взглядами А. С. Хомякова (ср.: Мыркова, Шириянц 2010; Пешков 2012; Анненкова 2016; Ковалева, Косарская 2018; Гобозов 2019; Евлампиев, Громова 2019). В то же время неоднородность самого славянофильского направления позволяет существенно скорректировать взгляды славянофилов на Петра I. Зародившись в московских салонах и кровнородственных домашних кружках обеспеченных и досужных помещиков, так называемое раннее славянофильство к началу 1860-х годов прекратило свое существование. Во второй половине 1860-х годов о себе заявило позднее славянофильство, которое во многом уже было связано с Петербургом. Идеи славянофилов были восприняты и получили развитие в том числе среди петербургской профессуры.

Петербургские последователи славянофилов, в отличие от «московского кружка», не были дилетантами. Напротив, это были крупные ученые, которые смогли выдвинуть в поддержку славянофильского учения научные аргументы. Пожалуй, самыми заметными представителями такого петербургского или академического славянофильства были профессора Санкт-Петербургского университета К. Н. Бестужев-Рюмин, В. И. Ламанский и О. Ф. Миллер. К. Н. Бестужев-Рюмин и В. И. Ламанский впоследствии были избраны в Академию наук, хотя основанием для избрания послужили не их славянофильские взгляды, а достижения в конкретных науках (историографии и славистике). Непосредственно фигура Петра I и его деятельность не были предметом монографических работ этих ученых. Однако они оставили о нем ряд любопытных заметок, которые не всегда совпадали с той оценкой русского императора, которую принято отождествлять со славянофилами. Более того, упомянутые мыслители сами редко привлекают внимание современных исследователей, поэтому воспроизведение их взглядов, надеюсь, расширит устоявшиеся представления о славянофилах.

Пожалуй, только Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) как профессиональный историк имел непосредственный интерес к Петру I и его эпохе. Как и большинство его единомышленников славянофилов, Бестужев-Рюмин соизмерял свою точку зрения на Петра I с известными высказываниями братьев Аксаковых. Поминая в речи Ивана Сергеевича Аксакова, он, в частности, отмечал: «Обезнарождение нашего общества, печальное последствие необходимого исторического процесса более всего озабочивает Аксакова. Таков смысл всех его нападений на петровскую реформу. <...> своими последствиями они во многом тяготят нас: им мы обязаны и излишеством бюрократизма и положением всей нашей церкви, и обезнарождением нашего общества, забывшего ту высокую роль, которую указывают ему славянофилы и преимущественно Аксаков» (Бестужев-Рюмин 1887: 140). Здесь русский историк кратко упоминал те негативные стороны петровских реформ, которые чаще всего критиковали славянофилы: нарушение равновесия двух исторических начал русской жизни (земли и государства), отрыв правящего слоя и интеллигенции от народа, огосударствление церкви и, как следствие, утрата ею нравственного авторитета.

Контрастная и часто фантазмагоричная личность Петра I привлекала внимание большинства историков, пишущих о его эпохе. Бестужев-Рюмин в этом отношении является исключением. Он, кажется, вовсе не обращает свое любопытство на фигуру императора, не увлекается описанием его противоречивого, до дикости, поведения. Ученый в основном останавливается лишь на оценке

петровских реформ и обозначает то направление исторического развития, которое они задавали. Некоторое небрежение Петром I отчасти объясняется славянофильским предпочтением истории народа и культуры над историей государства. Петр Великий олицетворяет государство, а значит, второстепенную силу русской истории. Подобное отношение к первому русскому императору видно из того понимания роли личности в истории, которое дает Бестужев-Рюмин. Он, в частности, отмечал, что «ее (исторической личности. — А. М.) деятельность обусловлена состоянием того общества, посреди которого она действует, и соединением разных обстоятельств, при которых она действует. Значение личности состоит в том, чтобы уметь воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели» (Бестужев-Рюмин 1870: 70). Собственно, историческая личность становится лишь тогда, когда сознает или, по слову историка, «угадывает» те интенции, нужды и цели общественного развития, которые созревают в народе. Как писал Бестужев-Рюмин, «сами эти цели коренятся в общественном сознании более или менее глубоко, что лицу принадлежит более или менее удачное формулирование их — только. Словом, лицо может понять, угадать; но ничего не может создать» (Бестужев-Рюмин 1870: 70). Историческая личность, таким образом, лишь формулирует эти цели, указывая народу путь их достижения. В любом случае созидательной исторической силой остается народ, а не отдельные личности, пусть даже и правители, законодатели или полководцы. Бестужев-Рюмин неоднократно подчеркивал, что предмет истории — это изучение общества и лиц в той мере и постольку, поскольку в их деятельности проявляется общественная жизнь. Исторические личности, замечал он, «скорее являются типами известного рода деятельности, чем отдельными личностями» (Бестужев-Рюмин 1870: 71).

Петр I вполне вписывался в такое понимание исторической личности. «Образ царя, вечно “в работе пребывающего”, — честь и гордость русского народа, слава его перед всеми народами мира, и по праву рождения, и по праву гения; он видит ясно цель, угадывает людей, способных служить ей, отыскивает средства к ее достижению. Это не теоретик-идеалист, служащий идее, это величайший реалист. Практик, сын великого практического народа, он знает, что нужно времени, и бесплодно не тратит силы на недостижимое. Если что-нибудь из затеянного им и не привилось, то это, по большей части, что-нибудь второстепенное для его цели, и не исполнялось оно как будто для того, чтобы показать, что и гениальные люди не всемогущи и не вездесущи» (Бестужев-Рюмин 1877: 20).

Реформы русского царя тоже преследовали вполне утилитарные цели и отвечали потребностям исторического момента. Однако правитель не предвидел последствий своих преобразований. Несмотря на всю футурологичность того нового цивилизационного проекта, который продвигал Петр I и зримым символом которого стала новая столица, у него не было четкого образа будущего, он не был способен ясно представить конечный итог. Впрочем, Бестужев-Рюмин не винил в этом Петра I: «Цели великого царя были чисто практические — нужно было поскорее усвоить результаты, добытые внешнею цивилизацией запада, нужно было потому, что нам приходилось бороться с соседями и им уступать или прибегать к их же помощи, вечно вызывать к себе иностранцев; Петр сам пошел за наукою на запад и с собою повел русских людей. Вопрос был чисто практический; для великого практика и его дружины и не было другого вопроса, замена русских начал какими-нибудь заморскими и в голову не приходила; принималась та или другая мера в виду казавшейся временной необходимости, пробовали, учились и не могли думать о дальнейших последствиях, о том, что при других обстоятельствах, при другой обстановке в самой Европе, у нас будут явления в духе позднейшего западничества. Все это вне круга человеческого предвидения, даже при более глубоком образовании, при большей опытности» (Бестужев-Рюмин 1886: 154–155).

Значительную часть XVIII в. называют периодом ученичества, подражания Западу. Петр I не был инициатором или родоначальником этого движения, но его деятельность, бесспорно, придала этому процессу заметную интенсивность и ускорила его. Однако и здесь главным мотивом для русского правителя были практические нужды и материальные цели государства. «Нам нужно

было познакомиться с европейской наукой и воспитаться в ее школе. Но это было, так сказать, последствием Петровской реформы, а ее задача состояла не в том: Петру нужна была материальная цивилизация, за нею он отправился в Европу, ей посылал он учиться русских, ее он налагал нетерпеливо» (Бестужев-Рюмин 1885б: 108). Ученый не осуждал русского правителя за это, хотя и полагал, что основные цели развития все же должны быть идеальными. В результате реформ было нарушено соотношение исторических сил, сложившихся в России.

Для Петра I приоритетом стала «отрицательная», реформирующая существующий порядок сторона государственной деятельности, в то время как он предал забвению стабилизирующие, традиционные элементы культуры. Отсюда Бестужев-Рюмин говорит о «горьком» опыте петровских реформ: «В каждой исторической эпохе есть отрицательная сторона, относящаяся к прошлому, и положительная, обращенная к будущему. Дорого платит иногда общество за отрицание полное, но до сих пор еще не найдено средства избежать этого недостатка, особенно в эпохи с преобладающим преобразовательным характером. Конечно, наученные горькими опытами люди начинают сознавать, что дело тем прочнее, чем лучше согласуется с существующими уже в обществе силами. Такого сознания не было в эпоху Петра, и жаль, что его не было» (Бестужев-Рюмин 1885б: 131). Отрицательное направление петровских преобразований состоит в том, что царь-реформатор преимущественно боролся с прошлым и погряз в интересах настоящего, а не думал о будущем России.

Бестужев-Рюмин признавался, что ученичество перед Западом еще не изжито, но высказывал надежду на исчерпанность этого направления: «Мы еще не вполне пережили наши школьные годы, годы, проведенные в учении у Европы, хотя очевидно уже вступаем в новый период исторической жизни; а от этого, что мы не вполне пережили эти школьные годы, мы не всегда, далеко не всегда относились к ним с полным беспристрастием» (Бестужев-Рюмин 1886: 154). Отечественные мыслители, писатели и публицисты неоднократно констатировали завершение подражательного периода в русской истории и культуре. Так было на исходе XVIII в. в рамках просвещенного национализма, критикующего европеизацию. Так было во втором десятилетии XIX в., когда победа в войне с Наполеоном, казалось бы, зримо подтвердила, что Россия встала вровень с европейскими державами и сама может быть наставницей европейцев не только на поле боя. Славянофилы вновь заговорили о необходимости жить своим умом и согласовывать любые заимствования с теми культурными формами, которые сложились в России.

В отличие от Петра I, его критики, в том числе славянофилы, пристрастно оценивая современную им Россию, больше уповали на будущее и описывали Россию идеальную, какой она должна быть в соответствии со своим историческим призванием. Этого призвания, полагали они, не сознавал царь-реформатор. Отрицательность того направления историко-культурного развития, которое задали его преобразования состояла в предпочтении чужого и заимствованного своему и доморощенному. Бестужев-Рюмин был убежден, что без поддержки народных, т. е. домашних, начал не может быть и развития, не будет и положительного результата. Он писал: «На русской почве школе чужеземщины был особый почет: это иногда вело к печальным последствиям, мудрость века сего требует иного; но придет время, когда сознается, что были, конечно, увлечения в эту сторону; но что лучше было увлекаться любовью, чем ненавистью. К любви, к примирению, к уважению чужого всегда призывали Русскую землю ее лучшие люди. <...> следуя бессознательному влечению своего исконного начала, Русь принесла себе более пользы, чем когда поддавалась обаянию чужих начал. Не для развития узкого эгоизма такое громадное пространство предназначено было русскому народу; не для того поставлен был он между Востоком и Западом, введен в связь с разнообразнейшими гражданственностями, не для того с самых первых шагов его дано было услышать на своем языке Слово Евангельское» (Бестужев-Рюмин 1885в: 208).

Реформы Петра I дали краткосрочный положительный эффект, но в долгосрочной перспективе ввергли русское общество в состояние неплодотворного подражания, презрения к своему прошлому, неверия в свои творческие силы. По мнению Бестужева-Рюмина, негативные послед-

ствия исторических решений полнее проявляются в будущем, чем в настоящем. По его словам, «при присущей человеку односторонности народное дело имеет две стороны: полезную и вредную; вторая выясняется только впоследствии» (Бестужев-Рюмин 1886: 155). Впрочем, здесь же он отмечал, что нельзя судить исторических деятелей исходя из представлений других, тем более будущих, эпох. Иными словами, «едва ли мы имели бы право приложить к иному времени наши мерки и наши требования» (Бестужев-Рюмин 1886: 155).

В том числе по этой причине Бестужев-Рюмин воздерживался от прямого осуждения Петра I. Критикуя ход и порядок реформ, он признавал европеизацию неизбежным и даже благотворным процессом, который вывел русское общество из состояния интеллектуального и культурного застоя и национально-религиозного самодовольства, заставил критически посмотреть на свое прошлое и настоящее и отказаться от того, что действительно устарело и мешало в жизни. «Мы даже не считаем возможным, — признавался он, — прямое возвращение к началам Руси допетровской; мы думаем, что эти полтора столетия не даром прошли для России, что они создали новое положение и указали новые потребности» (Бестужев-Рюмин 1862: 12). И далее: «Мы охотно верим, что петровская реформа была во многих отношениях отклонением от правильного пути развития; но это отклонение началось не с Петра и не бесследно прошло для русского общества; мы даже думаем, что и не бесполезно; конечно, главная польза отрицательная: мы знаем, каким путем общество не должно идти, чего именно надо избегать. Но между плодами петровской реформы не все и горькие: европейское просвещение принесло нам гуманность, принесло опыт тысячелетней жизни, который служит лучшею опорой нашего собственного опыта» (Бестужев-Рюмин 1862: 13).

Научно-техническая модернизация России, предпринятая Петром I, была исторически необходима, поскольку во многом стала условием ее исторического выживания. Другое дело конкретные бытовые образцы, привычки, потребности и мировоззренческие стандарты, привнесенные в Россию в XVIII в. и позднее. Их востребованность вызывает большие сомнения. Это касается и того направления государственного развития, которое начало преобладать в России. Полицейское государство подавляло самодеятельность и инициативу народа, унифицировало формы жизни, лишая общество необходимого для творческого развития разнообразия и чувства ответственности. «Страсть все однообразить, подводить под одну мерку как-то трудно укрощается в человеке: она слишком потворствует человеческой лени, слишком сближает все степени ума и развития, ибо создает готовые формулы, в которые можно вставлять все явления» (Бестужев-Рюмин 1870: 68). Многие рассуждения Бестужева-Рюмина не вписывались в устоявшиеся славянофильские формулировки, поэтому можно вслед за Е. Ф. Шмурло признать, что «“славянофильство” Бестужева требует больших оговорок» (Шмурло 1899: 239).

Петербургский период русской истории — это имперский период. И до Петра I Россия как наследница Византии примеряла на себя роль империи — третьего Рима. Это была империя в смысле единственного истинного христианского царства, которое оспаривало исключительные претензии Запада. Христианская империя может быть только одна. На Западе идея христианской империи была искажена языческими притязаниями на мировое господство. Культурно-политические основы первого Рима, полагал Бестужев-Рюмин, удерживаются в народах и государствах Европы: «...мы знаем теперь, что *первый* Рим не умер в своих началах, но что начала его, переродясь, продолжают жить в народах запада» (Бестужев-Рюмин 1885а: 423). Второй Рим, или Византия, пытался «примирить государственность задач с глубиной мысли эллинской и истинами христианства» (Бестужев-Рюмин 1885а: 423). Противостояние Востока и Запада было обусловлено борьбой двух идей и моделей империи: языческой и христианской. Для Византии, отмечал историк, удары «первого Рима <...> были... гибельны более турок» (Бестужев-Рюмин 1885а: 423).

Реформы Петра I не только были болезненными, но и угрожали основам народной жизни. «Казалось бы, тут начало конца русской самобытности, конец третьего Рима, начало обращения его в нечто служебное первому. Так было дотоле с государствами славянскими: принятые ими

в себя чуждые начала разъедали коренные основы» (Бестужев-Рюмин 1885а: 423). Подобная участь постигла Польшу, в итоге потерявшую свою государственность. Историк констатировал: «Церковь и школа в руках иезуитов, торговля в руках евреев и средневековая неурядица во всей земле — вот причины гибели Польши!» (Бестужев-Рюмин 1885а: 423). Однако русский народ выстоял. «Русский народ нельзя обратить в культурный материал, — писал по этому поводу Бестужев-Рюмин, — он желает сохранить свою самобытную физиономию, сохранял ее до сих пор, сохранит и впредь» (Бестужев-Рюмин 1885а: 423). Более того, «школьный период» подходит к концу. Знаковым событием в деле «пробуждения народного сознания», полагал петербургский профессор, стала «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Следующий шаг был сделан славянофилами, не только критически осмыслившими основы западной цивилизации, но и подвергшими переоценке пройденный Россией исторический путь. Другим знаменательным событием стал «великий день 19 февраля 1861 г.», положивший начало не только экономическому и социальному освобождению народа, но и его духовному пробуждению, возвращению интеллигенции на народную почву, а политики — к защите национальных интересов. Следствием этих событий стало движение за освобождение южных славян и балканских народов, начавшееся в 1876 г. По словам Бестужева-Рюмина, «славянское и православное чувство всегда более или менее сознательно жило в России, ибо без него Россия не была бы Россиею» (Бестужев-Рюмин 1885а: 424). «Теперь же оказалось, — продолжал он далее, — что третий Рим снова и вполне сознательно идет к своей цели. Это поняли и мы, поняли и те, кому не нужен третий Рим, т. е. новые начала жизни, стремление к правде внутренней, имеющей заменить правду внешнюю, основу и корень римско-европейской жизни» (Бестужев-Рюмин 1885а: 424). Для Бестужева-Рюмина все это звенья одной цепи. Работу Н. М. Карамзина, учение и деятельность славянофилов, отмену крепостного права, борьбу за освобождение славян объединяет один смысл — возвращение России к народным основам жизни, служение своим, а не чужим целям, свободное развитие славянства.

Впрочем, освобожденные славянские народы очень быстро отказались от общего славянского дела, увлеклись европеизмом, славянская интеллигенция «потянулась к западной мишуре». Это отрезвило многих славянофилов, показало иллюзорность их мечтаний. Однако Бестужев-Рюмин оставался оптимистом. «Не то беда, — писал он, — когда в известную минуту совершается не то, чтобы нам хотелось, и совершается не так, а то беда, когда никнет дух, понижается уровень требований и люди хотят временными, преходящими интересами заглушить вечные» (Бестужев-Рюмин 1885а: 424). Он призывал отказаться от материально понимаемых национальных интересов, поскольку был убежден, что не просто наступает новая эпоха в жизни славянских народов, но грядет новый исторический период, в котором славяне выступят главными историческими деятелями, сменив романо-германские народы.

«Пора понять, — убеждал историк, — что славяне не какие-нибудь дальние родственники, которым мы можем благодетельствовать и не благодетельствовать по произволу, пора понять, что потеря одного члена — важная потеря для всего организма, а нам суждено (насколько доступно это знать человеческому предвидению) встать в челе громадного культурного организма славянского. Как некогда усилием разных отраслей русского народа создавался русский язык, так в будущем все народы славянские (о если бы можно было с уверенностью сказать: все) призваны создать новый тип культуры» (Бестужев-Рюмин 1885а: 424). Добиться этого можно только культивируя духовные потребности, ставя идеальные цели, которые может быть недостижимы и утопичны, но задают историческую перспективу, указывают направление развития, воодушевляют людей. Без великих идей не бывает и исторических народов, не будет и гениев, облакающих идеи в доступные формы. «Великий народ не живет одними материальными интересами, интересы духовные прежде других выдвигают его на череду великих народов и придают значение его жизни и деятельности. Сохнет жизнь, гаснет дух в одних материальных интересах», — признавал Бестужев-Рюмин (Бестужев-Рюмин 1885а: 424). Отсюда он выводил и неизбежность падения западной цивилизации, которая еще вполне крепка и успешна, а колониальное и политическое

могущество позволяет ей повелевать почти всем миром. Однако он видит «биржевую и меркантильную европейскую современность», которая разъедает цивилизацию изнутри, вытесняет духовные интересы на периферию жизни европейских народов, а это, убежден Бестужев-Рюмин, есть путь в историческое небытие. «Ясным становится теперь ограниченность их духовных начал, — писал он, — всемирная история ждет нового слова. Если мы знаем, что это слово за нами, то не будем суесловить, а будем помнить, что знамя победы есть знамя духовное; чье духовное начало выше, тот и победит, ибо как ни жадны люди к материальным прибиткам, но материальные интересы развивают только эгоизм. <...> Нет, не материальные интересы следует проповедовать: они слишком дороги каждому, а следует напомнить об иных интересах, об интересах духа, они забываются легко, но только они поддерживают и в обществе, и в человеке высокий строй» (Бестужев-Рюмин 1885а: 424).

Убеждение в приближающейся гибели европейской цивилизации было одним из тех интеллектуальных приобретений, которые русские мыслители заимствовали у разочарованных европейских консервативных философов начала XIX в. (Варапетян 2017). В своих рассуждениях Бестужев-Рюмин сближается с П. Я. Чаадаевым, также утверждавшим, что только христианские народы, ставшие во главу угла духовные потребности, являются народами историческими. Правда, для П. Я. Чаадаева историческими народами оставались народы западноевропейские, даже преимущественно католические. По крайней мере пока европейские народы не изменят христианству, они будут народами историческими.

Бестужев-Рюмин уже не видит в европейцах религиозной страсти, поэтому «в наступающий период всемирной истории мы, славяне, должны выйти на первый план, не даром Россия так долго росла и крепла. Не сегодня, не завтра окажется наша правда, но для всемирно-исторических явлений иная мерка, чем для эфемерных предприятий: дело историческое — дело вековое» (Бестужев-Рюмин 1885а: 425). Славянам суждено возродить христианскую цивилизацию, искаженную в Европе. Русский народ, полагал Бестужев-Рюмин, «явит ясно для всех очей то начало любви <...> ему суждено осуществить и разнести по миру те начала, которые калечила языческая цивилизация, слишком ясно сказывающаяся в истории христианских народов» (Бестужев-Рюмин 1885в: 208). На уровне политической практики это означает отказ от модели европеизирующейся империи и возвращение к государственным формам империи христианской — единого христианского царства. В своих рассуждениях Бестужев-Рюмин менее всего историк; он отходит от исторических фактов и обращается к грядущему. Он мыслит как философ истории, применяет к истории другую мерку, другой временной масштаб, позволяющий говорить о будущем, а не о прошлом или настоящем.

В Петербургском университете Бестужев-Рюмин преподавал с 1865 г. В этом же году на кафедру славянской филологии вступил Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), со временем ставший крупнейшим отечественным славистом, основателем научной исторической школы. Известность Ламанскому принесли работы по истории славянских народов, историографии европейской славистики, истории Венеции, славянской филологии, политической географии. Однако в годы, предшествовавшие приходу в университет, Ламанский опубликовал ряд исследований и архивных материалов о русском XVIII в., прежде всего о М. В. Ломоносове и по истории Санкт-Петербургской академии наук. В конце жизни он вновь вернулся к русской истории XVIII в. В частности, после избрания в 1900 г. ординарным академиком он готовил к изданию собрание сочинений М. В. Ломоносова.

Толкование Ламанским значения Петра I и его места в русской истории вытекало, так же как и у Бестужева-Рюмина, из понимания роли личности в истории. Историческую личность, полагал он, нельзя рассматривать отдельно от общества и времени, которым она принадлежала. «Великие люди, — писал Ламанский о М. В. Ломоносове, — сильные общественные деятели являются не случайно, а естественным плодом предыдущего исторического развития своей родины. Они выходят из недр народа, бывают с ним связаны тесно, органически» (Ламанский 1863: 23). Однако

и без необходимых, например для государственного деятеля, индивидуальных способностей и талантов человек не сможет, так сказать, войти в историю. По словам Ламанского «личность играет роль в истории не благодаря своему официальному положению, а благодаря своим дарованиям и нравственному влиянию на общество» (Ламанский 1871: 122, примеч.). В то же время историческая личность не противостоит обществу, она в определенном смысле индивидуализирует черты своего народа и эпохи. Личность не может создать то, что хотя бы потенциально не присутствует в народе или не отражает запросы времени. «Общее, — рассуждал ученый, — может проявляться только во множестве и разнообразии особенностей. Свое общечеловеческое значение проявляют народы своими великими деятелями и находятся к ним в таком же отношении, в каком художники и мыслители к своим созданиям» (Ламанский 1863: 18).

Далее он продолжает, проецируя свои рассуждения на петровскую эпоху: «Единичная воля, при всей своей свободе, не может не подчиняться силе исторических условий и обстоятельств. Ни честь реформы, ни упреки за их неправду и насильственность не падают исключительно на одного Петра» (Ламанский 1863: 20). Рассматривая, например, государственную деятельность О. фон Бисмарка, он признавал историческое значение не за индивидуальным, а за коллективным разумом. Еще в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) Ламанский, исходя из славянофильско-романтического представления о духе народа, приводил характеристики, близкие формировавшемуся в то время исследовательскому направлению, получившему название психологии народов. Он пытался показать, что особенности народной психологии и соборного сознания остаются довольно устойчивыми, они эволюционируют медленнее, чем сменяются поколения. Для Ламанского это был в том числе методологический прием изучения давних периодов славянской истории, позволявший переносить современные явления народной жизни на прошлые эпохи или объяснять (или даже восполнять) особенностями современного поведения людей исторические события, о которых сохранилось мало свидетельств. Коллективный разум народа оставался для него важнее в историческом смысле, чем разум индивидуальный, пусть даже это был разум такого крупного государственного деятеля, как канцлер О. фон Бисмарк. «Что же касается гениальности князя Бисмарка, то нельзя не признать, что личный, одинокий ум, хотя бы и самый гениальный, всегда односторонен. Он может быть глубок, пронизателен, силен, прозорлив, но всегда лишь в известном смысле и в определенном направлении. Всякий гений, как человек, подвержен страстям, слабостям, болезням, перевалив известные годы, начинает падать, дряхлеть. Как ни велик и ни силен личный ум того или другого гениального деятеля, он всегда меньше и слабее собирательного, нажитого, традиционного ума целых поколений» (Ламанский 1887: 536–537).

Интенсификация исследований русского XVIII в., в том числе личности Петра I, была вызвана, согласно Ламанскому, уже сложившейся исторической дистанцией. Даже отдаленные последствия петровских преобразований к середине XIX в. выяснились в полной мере. Историки могли достаточно объективно изучать и описывать события этой эпохи, более отчетливо различая ее недостатки. «Всякое же начало, однажды допущенное в жизнь общества, — указывал Ламанский, — не прежде может обличить свою односторонность, как вполне исчерпав свое содержание. Вот почему ясное и определенное сознание односторонности петровской эпохи стало доступно новейшему времени» (Ламанский 1863: 21). Пришло время для более беспристрастной оценки как всего XVIII в., так и деятельности первого русского императора.

Выводы и заключения самого Ламанского были следствием многолетних архивных исследований. Всего он опубликовал около полусотни источников XVIII в., извлеченных из российских архивов, поэтому, когда он писал, например, о «неправде петровской реформы», то имел в виду вполне конкретные факты. Негативные тенденции, заданные петровским правлением, давали о себе знать еще в течение нескольких десятилетий. Так, согласно Ламанскому, «первые сорок лет XVIII столетия, понижая уровень общественной нравственности, приучая общество ко лжи, доносам и клеветам, страшно препятствовали свободному развитию в народе духа терпимости,

любви к чистому знанию, крайне затрудняли появление людей с самостоятельным характером и отважным умом» (Ламанский 1861: 274).

Больше всего Ламанского возмущал насильственный характер реформ, хотя он и признавал, что при том уровне общественного развития едва ли можно было добиться результатов другим путем. «И действительно, — отмечал он в работе о М. В. Ломоносове, — состояние народной нравственности России XVII века обличало слабость ее веры в начала братства, общения и любви; а слабость такой веры в обществах не допускает свободы совести, свободы мысли и слова, без которой невозможна никакая гражданская и политическая свобода. С ослаблением веры в людях в силы духовно-нравственные крепнет в них вера в силу внешнюю, обязательную и принудительную. В личном образовании — торжество рационализма, а в общественном — государственность постепенно приготавливалась в русской истории еще задолго до Петра Великого. <...> Вследствие разных исторических обстоятельств <...> русский народ <...> постепенно отвыкал не только от внешнего гражданского самоуправления, но и от внутреннего, лично нравственного самообладания, стал нередко более уважать внешнее, чем внутреннее единство. Видя силу созданного им государства и забывая, что она идет от него же, русский народ в XVII веке ожидал и требовал преобразований в своем быту от государства. Эти ожидания и требования, так сказать, вызвали Петра Великого, а состояние народной нравственности помогло его реформам принять характер крутого переворота» (Ламанский 1863: 20–21). Ламанский указывал на внутреннюю готовность народа к насильственному перевороту, «некоторое тайное согласие» на такую реформу между народом и властью.

В этом отношении Петр I не несет всю ответственность за характер реформы. Однако Ламанский упрекает его за смешение двух сфер деятельности: общественной и государственной. Аксиоматика славянофильства признавала разделение двух сфер жизни и ответственности — земства и государства, между которыми установились отношения доверия, невмешательства и взаимной пользы. Идеальная модель русской истории, описываемая славянофилами, означала гармонические отношения земли и государства, в реальной истории едва ли достижимые. Многие реформы Петра I касались как раз области общественной жизни, но проводились посредством государственного насилия и принуждения. «Петр I был не только деятелем государственным, но и общественным, — замечал Ламанский; — вот почему и громадна так эта историческая личность. Но это сочетание, хотя и неравномерное, двух деятелей в одном лице если и составляет особую силу Петра, то зато и скорее увлекало его к смешению двух отдельных сфер — общественной и государственной, помогало ему сообщить реформе характер принудительный и насильственный. В этом отношении, смело можно сказать, никто более самого Петра так не вредил успеху многих его поистине гениальных замыслов, ибо всякая новая идея торжествует в обществе полнее и успешнее, когда она не опирается ни на какую внешнюю силу. Между тем Петр, деятель общественный, постоянно соблазнялся своею внешнею властью и пускал в общество свои идеи не в форме свободного слова, допускающего и вызывающего возражения, но в форме законов и указов, всегда и везде имеющих силу обязательную, принудительную. Петр сам, кажется, чувствовал эту ложь своего положения и потому так любил снимать с себя царское звание и смешиваться с подданными» (Ламанский 1863: 17–18).

Война и реформы только повышали тот уровень произвола и насилия, который существовал в обществе. События петровского времени и сама личность царя-реформатора вызывали у Ламанского ассоциацию с первым русским царем. В декабре 1858 г. он писал И. С. Аксакову: «Читал кое-что о царевиче Алексее. Да-с, Петр был своего рода Иван Васильевич» (Переписка двух славянофилов 1916: 22–23). Можно заметить, что и сам Петр I в определенном смысле указывал на Ивана IV как на своего предшественника (Анисимов 2009: 11). В октябре того же года 1858 г. Ламанский признавался И. С. Аксакову: «...я люблю Петра как великого человека, полководца, как русского, горячо любившего Россию, но я не восхищаюсь его образом действий, я всегда думаю, что он действовал односторонне, что как государственный ч<елове>к, он ниже,

напр<имер>, Генриха IV, я наконец не люблю его как деспота, как революционера; преобразования были нужны в XVII в.; но следовало развивать, а не забыть совещательное начало и пр. Для меня решительно навсегда Петр дороже будет тысячи русских дворян-помещиков» (Переписка двух славянофилов 1916: 8). Довольно негативно оценивая многие петровские реформы и далеко не за всеми признавая неизбежность и необходимость, Ламанский больше ценил личность самого Петра I, видел в нем крупного государственного и общественного деятеля, результаты правления, которого имели далеко идущие, хотя и не всегда позитивные последствия.

В целом положительную оценку личности Петра I давал и близкий друг Ламанского, историк русской литературы, исследователь былинного эпоса и первый биограф Ф. М. Достоевского Орест Федорович Миллер (1833–1889). Он был учеником и преемником на кафедре А. В. Никитенко, с которым в свое время о личности Петра I полемизировал К. С. Аксаков. Миллер же признавал, что славянофильство не является законченным учением, так называемые ранние славянофилы сторонились догматического изложения своих взглядов, а часто и просто не имели возможности публиковать свои работы. Все это позволяет творчески относиться к их наследию, додумывать их мысли, делать выводы, развивать предложенные ими идеи. Известной незавершенностью и неопределенностью страдают и славянофильские мнения о Петре I. «И, конечно, самую слабую сторону составляет в учении их недодуманное воззрение на Петра как на нарушителя стройного хода нашей истории, как на насильника и искажителя нашего народного склада и нрава» (Миллер 1873: 409). Здесь Миллер имеет в виду славянофильское представление о том, что со времени Петра I был «разорван» союз земли и государства. Однако сам Миллер полагал, что как раз реформа была вызвана уже фактически свершившейся оторванностью служилого сословия от народа. Главный упрек славянофилов царю-реформатору, с которым не мог не согласиться Миллер, это насильственность самого хода преобразований, проникновение насилия во все сферы русской жизни. «Славянофильство, по самой сущности своего учения, враждебно переворотам — *снизу* или *сверху* происходят они, это все равно. Петр Великий, несомненно, совершил у нас переворот сверху, а при этом, конечно, было немало того *насильства*, без которого не могут обходиться никакие перевороты, потому то, конечно, и осуждаемые славянофильством», — писал он в цикле статей «Основы учения первоначальных славянофилов» (Миллер 1880а: 95), а далее продолжал: «*Насильственность* и есть та Ахиллесова пятка Петра, которою никто и ничем не защитит от славянофилов» (Миллер 1880а: 100).

Истоки славянофильской критики Петра I Миллер усматривал у Н. М. Карамзина. В отличие от Бестужева-Рюмина, у которого, по его собственному выражению, был «культ Карамзина», Миллер был крайне пристрастен к автору «Истории государства Российского». Он специально указывал на различие взглядов славянофилов и Н. М. Карамзина, видя в его подходе корни националистической идеологии. Славянофилы же не предлагали никакой националистической программы. Согласно интерпретации Миллера, славянофилов следует считать христианскими гуманистами. «У славянофилов, — уточнял он, — сказывались известные точки соприкосновения с Карамзиным, главным образом во взгляде на Петра Великого. Но исходные точки были совершенно различны. Карамзин подходил к тому, что называется теперь *националом*, славянофилы же были в сущности *гуманисты* — не в древне-классическом, а в христианском смысле этого слова» (Миллер 1880б: 42). Более того, Миллер полагал, что оценки Петра I и его деятельности русскими западниками более справедливы, чем обвинения Н. М. Карамзина и следующих за ним славянофилов.

В действиях Петра I Миллер отмечал «деловое сближение с Западом». Им двигало стремление «поскорее догнать его в упорном труде и, наверстав потерянное, дойти и до самостоятельности» (Миллер 1873: 407). Сближение с Европой помогло отказаться от исторического самодовольства, в котором пребывал русский народ, выйти из состояния культурного застоя, т. е. преодолеть то, что Миллер называл «соблазнами византийскими». Византизм, т. е. культурная замкнутость и национальная исключительность, перенятая русскими славянами от греков, несовместимы, полагал он,

с «вероисповедной нашей стихией». «Дело в том, — писал Миллер, — что Петр не понимал такой любви к отечеству и такой силы, которая основывалась на самообмане; что он считал такое самопоклонение и такую гордыню только верной порукою в нежелании выйти из пагубного застоя» (Миллер 1873: 409). Однако сам Петр I не смог избежать других исторических искушений, прежде всего прельстившись «папешским духом». Миллер имеет в виду религиозную нетерпимость, сказавшуюся больше всего по отношению к старообрядцам, гонения на которых при Петре I только усилились. Он упрекал императора в пренебрежении свободой совести.

В целом Миллер достаточно терпимо относился к Петру I, подмечая в нем подобие древнерусского или даже былинного образа «служилого князя», роднящего его с народом. Петр I в своей простоте и работничестве был гораздо ближе к народу, «чем все московские наши цари при их византийском величии, с примесью позднейшего восточного склада. <...> он, подобно служилому князю древней России, все *делал сам*; подобно любимому богатырю народного эпоса, видел в *избытке силы и избыток обязанности*, а это-то и не могло, несмотря на всю грозность Петра, не действовать обаятельно на народ. Петр, употребляя выражение эпическое, *царем на Руси служил*, служил верой и правдой, бодро *тянул тягло* за одно с народом!» (Миллер 1873: 410–411).

В Петре I Миллер видел идеал царя-труженика. В статье о Ю. Ф. Самарине он повторял характеристику русского правителя, отмечая, что «постоянное личное *работничество* Петра... дает возможность органически связать саардамского плотника со “служилым князем” древней Руси, подобно тому, как и в своем голландском платье и при своем собутыльничестве с голландскими шкиперами Петр сохраняет родство с нашим эпическим “ласковым князем”, всегда всем доступным и всех равно угощающим» (Миллер 1877: 142–143). Миллер в данном случае не просто возвеличивал Петра I, восхищаясь его показным демократизмом и бытовой простотой, но и демонстрировал укорененность в народном сознании образа правителя, соответствовавшего нравственным идеалам. Однако, внешне сокращая дистанцию между народом и властью, Петр был далек от идеала народной монархии, который, по мнению славянофилов, полнее воплощался как раз в допетровское время (Груздева 2008; Лебедев 2020).

Признавая неизбежность «петровского переворота», Миллер отмечал, что с этого времени западническая партия находила постоянное покровительство со стороны власти. Начиная с эпохи Петра I мы видим в русской истории череду различных версий русского западничества. На смену бездумному подражательству петровского времени пришло другое западническое направление — «официальная народность», которую, в свою очередь, сменило «прогрессивное» западничество «еще так недавно рабовладельствующего дворянства». Миллер прямо обвинял западническую интеллигенцию и дворянство в «боярских вожделениях», указывая на то, что наибольшее распространение крепостное право получило в России именно в период европеизации.

Современные исследователи в основных чертах подтверждают многие выводы славянофилов. Так, Т. В. Черникова отмечает, что «понятие “закрепощения всех сословий”, введенное в научный оборот в XIX в., как нельзя лучше характеризует общественно-политические итоги социальных реформ Петра I» (Черникова 2021: 92), а «усиление крепостного права при Петре I стало одним из главных механизмов консервации не только средневековых форм хозяйства и структуры общества, но и иррациональных форм мышления подавляющей части населения» (Черникова 2021: 96). Коррупция (взятки и казнокрадство) «в петровское время только возросла. <...> коррупция стала одним из системообразующих механизмов поддержания лояльности служилой элиты» (Черникова 2021: 104). Свобода находила выражение в народной тяге к воле (вплоть до разбоя и бунта), а у господствовавшего сословия — к произволу.

Взгляды петербургских славянофилов на Петра I, конечно, не исчерпывают славянофильскую точку зрения на первого российского императора. Интерес к Петру I не был непосредственно связан с их преподавательской деятельностью, а относился, скорее всего, к области публицистики. Этим во многом объясняются и предложенные ими интерпретации и оценки петровской эпохи. В публицистических текстах Бестужев-Рюмин, Ламанский и Миллер чувствовали себя свободнее,

позволяли себе менее строгие обобщения и выражали славянофильские ожидания. Они обращали внимание не столько на ход и обстоятельства петровских реформ, сколько на их последствия и судили о них с точки зрения отдаленных итогов. В рассуждениях петербургских славянофилов заметно явное противопоставление западной цивилизации, в которой преобладают эгоизм, меркантильные и материальные интересы, новой исторической эпохе, представителями которой является славянство. Они размышляли скорее в категориях исторической судьбы, чем исторических фактов, и свои надежды облекали в форму исторического проекта — новой греко-славянской цивилизации. Их упреки Петру I вызваны как раз тем, что он не мыслил идеального будущего, а реагировал на те потребности, которые стояли перед русским государством. Утилитарное мировоззрение царя-реформатора не позволяло ему предвидеть даже ближайшие результаты своих преобразований. Необходимые во многом для народа и государства изменения насаждались насильственно, подавляли личную инициативу, ограничивали свободу людей и приводили к противостоянию общества и государства. Положительно петербургские славянофилы оценивали личность самого Петра I, видя в нем пример государственного служения, искреннего, до самозабвения, желания принести пользу отечеству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Айдунова Т. Ю.* Образ Петра I в консервативной публицистике // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. № 1 (201). С. 9–18.
- Айдунова Т. Ю.* Петр I в русской общественно-исторической мысли середины XIX — начала XX в. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020.
- Анисимов Е. В.* Петр Великий: личность и реформа. СПб.: Питер, 2009.
- Анненкова Е. И.* Россия и Запад как русская тема в концепции К. С. Аксакова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2016. № 179. С. 7–20.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья третья и последняя // Отечественные записки. 1862. № 5. Т. СХLII. С. 1–23.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Вступительная лекция в публичный курс русской истории // Заря. 1870. Февраль. С. 66–74.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Чему учит русская история // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1877. Т. 1. С. 5–25.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* «Духа не угашайте» // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885а. № 10. С. 423–425.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича. С.-Петербург, 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. 1885б. Январь. Ч. ССХХХVII. С. 95–140.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Речь, произнесенная в торжественном собрании Славянского общества 7 апреля // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885в. № 4. С. 206–208.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Двухсотлетние поминки по В. Н. Татищеву // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 4–5. С. 154–157.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* И. С. Аксаков // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 3. С. 137–140.
- Варапетян А.* Критические заметки П. Б. Струве о происхождении идеи «гниющего Запада» // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. № 2. С. 136–142.
- Гобозов И. А.* Философско-историческое осмысление реформ Петра I и их последствий // Философия и общество. 2019. № 2 (91). С. 40–61.
- Груздева О. В.* Идея «народной монархии» в работах Ю. Ф. Самарина // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2008. Т. 11, № 1. С. 34–42.
- Евлатиев И. И., Громова Е. В.* Славянофильство и западничество как формы русского национального самосознания: анатомия конфликта и его результаты // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, № 3. С. 130–141.
- Кирьяш О. А.* Образ Петра I в сознании европейского сообщества XVIII века между варварством и варварством // Цивилизация и варварство. 2017. № 6. С. 173–183.

Ковалева Е. О., Косарская Е. С. Спор славянофилов и западников о преемственности традиций и его рецепция в пореформенной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2018. № 3. С. 108–119.

Коломыц Д. М., Коломыц О. Г. Петр I как культурный герой российской истории // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4. С. 24–29.

Кругликова О. С. Образ Петра I на страницах журнала «Современник» в эпоху великих реформ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2020. № 4. С. 111–115.

Кузнецов А. А. Образ Петра I по историческим и литературным источникам: сравнительный анализ // Молодой ученый. 2019. № 12 (250). С. 129–132.

Кузнецова И. В. Образ Петра I в оценке петербургских западников (40–50-е годы XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 1. С. 27–30.

Ламанский В. И. Академия наук (Императорская, С.-Петербургская) // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. II. СПб.: в тип. И. И. Глазунова и комп., 1861. С. 272–286.

Ламанский В. И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. СПб.: в тип. А. А. Краевского, [1863].

Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: тип. Майкова, 1871.

Ламанский В. И. Западный, славянский вопрос // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 11 и 12. С. 530–539.

Лебедев Ю. В. Идеал народной монархии в русской литературе второй половины XIX — начала XX вв. // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 8–27.

Миллер О. Ф. Об отношениях русской литературы к Петру Великому // Русская старина. 1873. Март. С. 406–411.

Миллер О. Ф. Ю. Ф. Самарин. Опыт характеристики // Миллер О. Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи 1865–1877 г. СПб.: тип. Г. Е. Благосветова, 1877. С. 130–192.

Миллер О. Ф. Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880а. Кн. 1. С. 77–102.

Миллер О. Ф. Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880б. Кн. 3. С. 1–44.

Минникова Л. В., Айдунова Т. Ю. От антихриста до революционера: Петр I в отечественном общественно-историческом дискурсе XVIII — начала XX вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 3, № 53. С. 974–985.

Мыркова А. В., Шириянц А. А. Социально-политические воззрения К. С. Аксакова (биобиблиографический очерк). Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки». 2010. № 2. С. 36–49.

Переписка двух славянофилов (сообщила О. В. Петровская-Ламанская) // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 1–32.

Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: РХГА, 2003.

Пешков А. А. Спор о судьбах России. Реформы Петра I в оценках П. Н. Милокова и А. С. Хомякова // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2012. № 10. С. 79–94.

Семенова Н. В. Идея империи в России XVIII — начала XX века: образ Петра I // Русская литература. 2011. № 4. С. 138–143.

Тапехина О. А. Петр I как герой российской журнальной прессы второй половины XIX — начала XX вв. // Омский научный вестник. 2013. № 1 (115). С. 36–39.

Федотова В. Г. Модернизация и революция // Философские науки. 2017. № 4. С. 35–54.

Черникова Т. В. «Обратная сторона» петровский реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2021. Т. 20, № 1. С. 88–107.

Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1899.

REFERENCES

Aidunova T. Yu. *Obraz Petra I v konservativnoi publitsistike [The Image of Peter the Great in Conservative Journalism]. Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2019, no. 1 (201), pp. 9–18. (In Russian)

Aidunova T. Yu. *Petr I v russkoi obshchestvenno-istoricheskoi mysli serediny XIX–nachala XX veka* [Peter the Great in Russian Social-Historical Thought of the mid 19th and early 20th Centuries]. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2020. (In Russian)

Anisimov E. V. *Petr Velikii: lichnost' i reforma* [Peter the Great's Personality and Reform]. St. Petersburg: Piter, 2009. (In Russian)

Annenkova E. I. Rossiia i Zapad kak russkaia tema v kontseptsii K. S. Aksakova [Russia and West as Russian Theme in K. S. Aksakov's Concept]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 2016, no. 179, pp. 7–20. (In Russian)

Chernikova T. V. “Obratnaia storona” petrovskikh reform [The “Flip Side” of the Petrine Reforms]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Istorii Rossii*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 88–107. (In Russian)

Evlampiev I. I., Gromova E. V. Slavianofil'stvo i zapadnichestvo kak formy russkogo natsional'nogo samosoznaniia: anatomii konflikta i ego rezul'taty [Slavophilism and Westernism as Forms of Russian National Consciousness: The Anatomy of the Conflict and its Results]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 130–141. (In Russian)

Fedotova V. G. Modernizatsiia i revoliutsiia [Modernisation and Revolution]. *Filosofskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 35–54. (In Russian)

Gobozov I. A. Filosofsko-istoricheskoe osmyslenie reform Petra I i ikh posledstviia [Philosophical and Historical Reflection on Peter the Great's Reforms and their Consequences]. *Filosofiia i obshchestvo*, 2019, no. 2 (91), pp. 40–61. (In Russian)

Gruzdeva O. V. Ideia “narodnoi monarkhii” v rabotakh Yu. F. Samarina [The Idea of a “People's Monarchy” in the Works of Samarin]. *Vestnik MGTU. Trudy Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2008, vol. 11, no. 1, pp. 34–42. (In Russian)

Kir'iash O. A. Obraz Petra I v soznanii evropeiskogo soobshchestva XVIII veka: mezhdunaravnoe varvarstvo i varvarstvo [The image of Peter the Great in the Consciousness of 18th Century European Society: between Barbarism and Barbarism]. *Tsivilizatsiia i varvarstvo*, 2017, no. 6, pp. 173–183. (In Russian)

Kolomyts D. M., Kolomyts O. G. Petr I kak kul'turnyi geroi rossiiskoi istorii [Peter the Great as a Cultural Hero of Russian History]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2019, no. 4, pp. 24–29. (In Russian)

Kovaleva E. O., Kosarskaia E. S. Spor slavianofilov i zapadnikov o preemstvennosti traditsii i ego retseptsiiia v poreformennoi Rossii [The Slavophile-Westernist Dispute about the Continuity of Traditions and its Reception in Post-Reform Russia]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofiiia*, 2018, no. 3, pp. 108–119. (In Russian)

Kruglikova O. S. Obraz Petra I na stranitsakh zhurnala “Sovremennik” v epokhu velikikh reform [Peter the Great in the Pages of “Sovremennik” at the Time of the Great Reforms]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologiiia. Zhurnalistika*, 2020, no. 4, pp. 111–115. (In Russian)

Kuznetsov A. A. Obraz Petra I po istoricheskim i literaturnym istochnikam: sravnitel'nyi analiz [Peter the Great in Historical and Literary Sources: a Comparative Analysis]. *Molodoi uchenyi*, 2019, no. 12 (250), pp. 129–132. (In Russian)

Kuznetsova I. V. Obraz Petra I v otsenke peterburgskikh zapadnikov (40–50-e gody XIX veka) [The Image of Peter the Great as Seen by the Westerners in St. Petersburg (40–50s of the 19th Century)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia*, 2007, no. 1, pp. 27–30. (In Russian)

Lebedev Yu. V. Ideal narodnoi monarkhii v russkoi literature vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [The Ideal of Popular Monarchy in Russian Literature of the Second Half of the 19th and early 20th Centuries.]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 8–27. (In Russian)

Mininkova L. V., Aidunova T. Yu. Ot antikhrista do revoliutsionera: Petr I v otechestvennom obshchestvenno-istoricheskom diskurse XVIII — nachala XX vekov [From Antichrist to Revolutionary: Peter the Great in Russian Socio-Historical Discourse of the 18th — Early 20th Centuries]. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2019, vol. 3, no. 53, pp. 974–985. (In Russian)

Myrikova A. V., Shirians A. A. Sotsial'no-politicheskie vozzreniia K. S. Aksakova (biobibliograficheskii ocherk). Stat'ia pervaiia [The Social and Political Views of K. S. Aksakov (Bibliographical Sketch). Article One]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 12: Politicheskie nauki*, 2010, no. 2, pp. 36–49. (In Russian)

Peshkov A. A. Spor o sud'bakh Rossii. Reformy Petra I v otsenkakh P. N. Miliukova i A. S. Khomiakova [A Dispute about the Fate of Russia. Peter the Great's Reforms as Assessed by P. N. Milyukov and A. S. Khomyakov]. *Trudy Nizhegorodskoi Dukhovnoi seminarii*, 2012, no. 10, pp. 79–94. (In Russian)

Petr Velikii: pro et contra. Lichnost' i deianiia Petra I v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei [Peter the Great: Pro et Contra. The Personality and Deeds of Peter the Great as Assessed by Russian Thinkers and Researchers]. St. Petersburg: RKhGA, 2003. (In Russian)

Semenova N. V. Ideia imperii v Rossii XVIII — nachala XX veka: obraz Petra I [The Idea of Empire in Russia in the 18th and Early 20th Centuries: The Image of Peter the Great]. *Russkaia literatura*, 2011, no. 4, pp. 138–143. (In Russian)

Tapekhina O. A. Petr I kak geroi rossiiskoi zhurnal'noi pressy vtoroi poloviny XIX — nachala XX vekov [Peter the Great as a Hero of Russian Journalism in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2013, no. 1 (115), pp. 36–39. (In Russian)

Varapetian A. Kriticheskie zametki P. B. Struve o proiskhozhdenii idei “gniushchego Zapada” [Critical Notes by P. B. Struve on the Origins of the Idea of a “Rotting West”]. *Filosofskii polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniia russkoi filosofii*, 2017, no. 2, pp. 136–142. (In Russian)

Submitted: 27.08.2021

Accepted: 01.06.2022

Published: 10.07.2022